

О.Ю. Захарова

*Светлой памяти моей мамы
Захаровой Марии Васильевны посвящается*

М.С. ВОРОНЦОВ И Р.Т. ВИЛЬСОН. ОТ ТИЛЬЗИТА ДО БОРОДИНА: ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

М.С. Воронцов и Р.Т. Вильсон принадлежат к числу наиболее ярких представителей своего времени, изучение биографий которых позволяет не только глубже исследовать отдельные исторические события, но также иначе интерпретировать целый ряд исторических факторов в контексте мировой истории.

Сын известного художника-портретиста и гравёра Бенджамена Вильсона (1721–1788) сэра Роберт-Томас Вильсон родился 14 августа 1777 г. в Лондоне. Вероятно, именно от отца, одного из образованнейших людей своего времени, будущий генерал унаследовал потребность в ежедневном чтении. Начальное образование Вильсон получил в Вестминстерской школе, затем он обучался в Винчестере. С помощью своей сестры (супруги полковника Босвила) Вильсон вошёл в окружение герцога Йоркского и вскоре был записан в корнеты 15-го лёгкого драгунского полка¹.

Боевое крещение Вильсон принял при штурме и взятии Премона 17 апреля 1794 г. В том же году он произведен в лейтенанты, а в 1796 г. Вильсон уже командует эскадроном, в 1800 г. он получил звание майора. Египетская кампания принесла Вильсону известность благодаря книге «История британской экспедиции», которую он отправил императорам Австрии и России. Александр I выразил автору благодарность через российского посла в Лондоне графа С.Р. Воронцова². В своём сочинении Вильсон обвинял Наполеона в уничтожении 3 000 турецких пленных и отравлении собственных солдат, заболевших чумой. Несмотря на то что все обвинения оказались необоснованными, книга

на долгие годы стала обвинительным документом против Наполеона и его противников.

Вернувшись в Англию, в 1804 г. Вильсон обращается к С.Р. Воронцову с просьбой оказать ему содействие при поступлении в русскую армию. Воронцов отвечает большим письмом, в котором предупреждает Вильсона, что ему придется служить в русской армии с более низким чином, к тому же необходимо знание языка (это условие касалось всех должностей). Откровенность Семена Романовича убедила Вильсона отказаться от его планов, с этого времени начинаются дружеские отношения Вильсона с представителями семьи Воронцовых.

В 1804 г. Вильсон произведен в подполковники, а 3 ноября 1806 г. включен в состав миссии лорда Хатчинсона при прусском дворе, что позволило ему приезжать в Петербург с дипломатическими поручениями. Он снискал расположение Александра I, наградившего его за Прейсиш-Эйлау орденом Св. Анны. Русские офицеры оценили безудержную храбрость англичанина. Вильсон стал «своим» для представителей подлинной элиты русской армии, включая М.И. Платова, который называл его «брат Вильсон». Таким образом, становится понятным, почему генерал И.В. Сабанеев писал М.С. Воронцову из «треклятого Бухареста» 21 июня 1812 г.: «К вам же едет ген. Вильсон, тот самый, который был в Пруссии с Платовым»³.

Почтительные отношения Вильсона с С.Р. Воронцовым со временем переросли в дружеские с его сыном, которые сохранились даже в период обострения российско-британских отношений, вызванных Тильзитскими соглашениями 1807 г.

В Тильзите были ратифицированы три акта: «Мирный договор», «Отдельные и секретные статьи», «Договор о союзе».

В «Мирном договоре», состоявшем из 29 статей, стороны четко определили сферы своего влияния в Европе и установили новые европейские границы.

В «Отдельных и секретных статьях» стороны зафиксировали договоренности: о передаче Ионических островов в полную собственность Наполеона⁴; о прекращении преследования подданных Порты, особенно черногорцев, за любые действия против Франции и др.⁵

«Договор о союзе» также был ратифицирован в Тильзите, но при этом не подлежал оглашению. Основной смысл документа заключался в том, что ни Франция, ни Россия не потерпят нейтральной позиции ни одного из европейских государств. В случае отказа Англии «возвратить все завоевания, сделанные ею за счет Франции и союзников, начиная с 1805

года, когда Россия действовала с ней заодно»⁶, Австрия, Дания, Швеция и Португалия должны объявить Англии войну и закрыть для нее свои гавани. Если Порта не примет предложенные условия, то Франция и Россия начнут сообща действовать против Османской империи и лишат ее всех европейских владений⁷.

Несмотря на тильзитское соглашение, англичане продолжали пользоваться в петербургском обществе большим влиянием. «Единственное средство уравновесить его – это снарядить сюда поскорее посольство, хорошо выбранное и составленное, которое могло бы бросаться в глаза жителям Петербурга своим блеском и возвратило бы нам их хорошее мнение», – писал уполномоченный при российском дворе генерал Савари министру иностранных дел Франции Ш. Талейрану из Петербурга 26 июля 1807 г.⁸

Как известно, английская дипломатия не раз использовала приемы тайной войны. Достаточно вспомнить явную причастность английского посла Ч. Уитворта к заговору против Павла I, прекратившего войну с Францией. Несмотря на то что большая часть переговоров в Тильзите проходила с глазу на глаз, британское правительство узнало об их содержании.

Существует предположение, что информация могла поступить от состоявшего в 1806–1807 гг. при штабе русской армии английского офицера Р.Т. Вильсона. Некоторые исследователи ссылаются на князя С.Г. Волконского, упоминавшего в своих воспоминаниях полковника Вильсона, который, находясь в свите генерала М.И. Платова, был одет в казачий мундир, желая «под этим маскарадом увидеть Наполеона без огласки его личности»⁹, но подобное любопытство было у многих русских офицеров, находившихся в Тильзите. Как писал тот же Волконский, он и один из его друзей, надев «платье прусских крестьян, успели переехать на французский берег в виде торгующих съестными припасами и имели случай видеть Наполеона...»¹⁰. В настоящее время мы не располагаем доказательствами причастности Р.Т. Вильсона к разглашению содержания «Договора о союзе».

После Тильзита Вильсон получил разрешение на поездку в Петербург, где был благосклонно принят в великосветских салонах. Как известно, Тильзитские соглашения не встретили одобрения в русском обществе, и демонстрация дружеского расположения к представителю еще недавно союзной державы была вызовом российскому императору.

Вильсон искал поддержки не только среди гвардейских офицеров, но и непосредственно в ближайшем окружении Александра I. Англичанин

сумел добиться расположения у «молодых» друзей императора, которые передавали через него письма С.Р. Воронцову. Так, в письме А. Чарторыйского графу Воронцову, в частности, говорилось: «Вильсон, который вручит вам сие письмо, уже известен вам; это превосходный молодой человек безукоризненного поведения, любимый всей нашей армией, Император отдает ему должное и только что наградил его. Вильсон полон рвения к правому делу. Он сообщит вам множество важных подробностей, писать о коих было бы слишком утомительно...»¹¹

По всей вероятности, в Лондоне Вильсон не смог убедить премьер-министра в том, что Тильзитский мир – ловушка для Наполеона. 4 октября он отправляется в Петербург, где вновь оказывается в центре всеобщего внимания. На одном из балов Вильсон открыл прием в паре с графиней Д.Х. Ливен. Успехи на дипломатическом поприще были у Вильсона намного скромнее. Император отказал ему в личной аудиенции. В начале ноября Вильсон получил приказ покинуть Петербург. Он принимает активное участие в боевых операциях против Наполеона в Португалии и Испании.

В 1810 г. за боевые заслуги он произведен в полковники британской службы и назначен адъютантом короля. Возвратившись в Англию, Вильсон два с половиной года проводит в кругу семьи. В это время М.С. Воронцов (отправленный в 1809 г. во главе Нарвского полка на театр турецкой войны 1806–1812 гг.) отличился при штурме крепостей Базарджик, Шумла, в сражении при Рушуке и других, за что в 1810 г. был пожалован чином генерал-майора и орденами, среди которых Св. Георгий 3-го класса. В то время как Воронцов участвует в боевых операциях, Вильсон вновь испытывает себя на дипломатическом поприще.

Знакомство с высшими русскими офицерами немало содействовало назначению Вильсона в специальную миссию министерства иностранных дел, в апреле 1812 г. он отплыл из Портсмута в Константинополь. Впоследствии Вильсон получил назначение отправиться в Шумлу, на Бухарестский конгресс и к адмиралу П.В. Чичагову, командующему Дунайской армией.

Для дальнейшего обсуждения британо-российского взаимодействия Вильсон в очередной раз отправляется в Россию. Весной 1812 г. М.С. Воронцов был назначен начальником Сводно-гренадерской дивизии в составе 8-го корпуса 2-й Западной армии П.И. Багратиона.

Что произошло с Вильсоном в 1812 г., мы узнаем из его писем и дневника, который он писал с 1 августа 1812 г. до 20 января 1813 г. 27 августа (по н. ст.) Вильсон под Смоленском встретил армию Багратиона: «Я во-

истину летел к нему и к Воронцову, чтобы обнять моих друзей... Я пожертвовал бы сим наслаждением лишь ради того, чтобы оно передалось к графу, его отцу, в Лондон.

В Палатке его (М.С. Воронцова. – О.З.) я пробыл до полуночи, когда началось движение армии князя на соединение с левым флангом. Он дал мне превосходнейшую лошадь, снабдил шинелью... и русской фуражкой...»¹²

В тот же день Вильсон встречается с Платовым, который дал ему двух казаков и лошадей, он настоятельно просил, чтобы «по возвращении из С.-Петербурга я чаще бывал у него, и, дабы угодить мне, он обещал доставить в мое распоряжение все что только стоит под его командою»¹³. Перед отъездом в Петербург, 28 августа (по н. ст.) Вильсон встретился в Дорогобуже с Багратионом и Воронцовым. У Михаила Семеновича он оставил двух драгун, своих лошадей и экипаж.

О битве при Бородине Вильсон узнал по завершении службы в церкви Александра Невского по случаю тезоименитства императора, когда князь А.И. Горчаков 1-й прочел депешу маршала М.И. Кутузова о генеральном сражении. «Любезный мой приятель Воронцов ранен, но не вышел из боя. Теперь я еще более жажду возвратиться, ибо могу быть ему полезен и идти стезею истинной славы...» – записал Вильсон в дневнике 12 сентября (н. ст.) 1812 г.¹⁴

Описываемую выше сцену наблюдали и другие англичане, в том числе и Дж. Бокер, который в письме к С.Р. Воронцову писал: «Имею в высшей степени особое удовольствие сообщить Вашему Превосходительству, что генерал Кутузов одержал важную поведу над французами. Я был сегодня в церкви Св. Александра Невского и слышал, как читали о сём реляцию и о том, что Его Величеству угодно было произвести генерала в фельд-маршалы. В моем присутствии царствующая императрица подарила жене генерала свой портрет, усыпанный бриллиантами. <...> Я сделал все, что было в моих силах, дабы заполучить текст оной реляции, имея достаточно времени до отплытия фрегата, но все было напрасно...»¹⁵

О Бородинском сражении и ранении М.С. Воронцова сообщает в своем письме (от 3 августа 1812 г.) С.Р. Воронцову и Н.М. Лонгинов: «Сегодня, в 9 утра, я отправился в Каменностровский дворец, перед съездом придворных, для принесения поздравления Ея Величеству, по случаю тезоименитства Государя Императора. Почти вслед за мной, прискакал курьер от Кутузова с известием о поражении всей неприятельской армии 26го сего августа, при ея атаке на нашу позицию в Бородине, отстоящем от Можайска, к Москве, в 12-ти в...»¹⁶

После ухода Александра I императрица Елизавета Алексеевна сказала Лонгинову, что М.С. Воронцов ранен при Бородине и что он до конца оставался на поле битвы¹⁷.

Сообщая Н.М. Лонгинову о ране М.С. Воронцова, императрица добавила: «Когда граф Воронцов узнает, что сын ранен, он возблагодарит Господа, приведшего его сына пролить кровь за Отечество, без особенного вреда для его здоровья...»¹⁸

О сражении при Бородине Вильсон напишет в одном из своих исторических сочинений: «Это была одна из величайших битв революционной эпохи, часто ее сравнивали с Эйлау. <...> Но солдаты Эйлау были ветеранами, испытанными во многих битвах, которые научили их величайшему умению и дисциплине. В противоположность сему, армия Бородина состояла преимущественно из новобранцев. Впрочем, исход обеих битв оказался совершенно одинаков: каждая армия почитала себя победительницей, и многие генералы просили Кутузова построить уцелевших в атакующую колонну и завязать ночное сражение»¹⁹.

Накануне отъезда из Петербурга в русскую армию (15 сентября (н. ст.)) Вильсон обедал у Александра I, с которым имел, по его словам, «продолжительную конфиденциальную беседу»²⁰.

Бывший сотрудник российского посольства в Лондоне и с апреля 1812 г. личный секретарь императрицы Елизаветы Алексеевны Н.М. Лонгинов писал С.Р. Воронцову 21 сентября из Петербурга: «Вильсон был здесь обласкан всем Двором как нельзя больше, часто обедал у государя и был у обеих императриц, особливо у Елизаветы А<лексеевны>. Государь часто имел с ним свидания и разговоры. Это нужно довести до сведения его правительства, потому что человек нам душевно предан и может оказать величайшую услугу делам, до пользы общей относящимся, так как правила и чувства его известны Вашему Сиятельству. Я знаю, что он часто в Лондон пишет, и нужно, чтобы представления его были уважаемы»²¹.

После отъезда из Петербурга первое письмо, адресованное Вильсоном М.С. Воронцову, датируется 23 сентября (н. ст.). В нем Вильсон сообщал, что утром он прибыл в Красную Пахру. «Трижды писал я к вашему батюшке. Сделайте милость, дайте о себе известия. Обе императрицы, особливо императрица Е[лизавета], шлют вам самые сердечные приветы. Это было... ее последнее повеление. Сообщите об исполнении оных.

Надеюсь в скорости снова обнять вас...

Прощайте. Мне не позволяют написать более ни строчки. Ну, что делать. Рассчитывайте на меня и верьте, что я всегда остаюсь любящим вас...»²²

Ответные письма М.С. Воронцова к Вильсону в воронцовском фонде и в «Архив князя Воронцова» не обнаружены. Единственное письмо, сохранившееся в воронцовском собрании, было отправлено Вильсону из Андреевского 20 сентября 1812 г.: «Тысяча благодарностей, любезнейший Вильсон, за вашу записку. <...> Настойчивость поможет нашему делу. Истекшие после занятия неприятелем Москвы три недели показали, что не токмо не найдет от него похожего на сторонников себе, но и не сможет более угрожать нам какими-либо действиями в будущем, ибо ничто уже не сравнится с потерей Москвы. <...>

Я надеюсь через пару недель встать на ноги, хотя и на костылях передвигаюсь довольно хорошо, однако, ранение еще не закрылось»²³.

В своих письмах в Лондон Вильсон сообщает не только о ходе военных операций, но и перспективах развития торговых отношений между странами, в частности о продаже России английского оружия. Об этом он пишет лорду Кэткуарту из Тарусы 27 сентября (9 октября) 1812 г.²⁴ Следует отметить, что в свою очередь 4 сентября Н.М. Лонгинов писал из Петербурга С.Р. Воронцову: «Вильсон уехал в Москву, где проведет один день у графа Михаила. Он просил меня повторить вам его просьбу, лично переданную им вам, о содействии и скорейшей доставке сюда возможно большего числа оружия. Оно нам необходимо, но в людях мы не терпим недостатка»²⁵.

В уже цитированном письме к С.Р. Воронцову Лонгинов, кроме всего прочего, указывает: «Вильсон также писал (в Англию. – О.З.), что оружие нам отменно нужно, и просил меня о том же написать Вашему Сиятельству. Я то исполнил прежде, а теперь снова поставлю долгом повторить. По газетам видно, что нам дают 50 000 ружей, правда то или нет, не знаю; но кажется, не худо бы еще столько же выпросить»²⁶.

Сообщает Вильсон в своих письмах в Лондон о существовавшей при штабе русской армии походной типографии, которая со временем стала агитационным центром, приспособленным для пропагандистской работы в войсках противника, в частях собственной армии и среди населения²⁷.

В письме Джемайме Вильсон от 27 сентября (9 октября) 1812 г. из Тарусы Р. Вильсон просит передать графу С.Р. Воронцову, что Михаил Семенович почти здоров и скоро будет в армии. «Все говорят о нем как о любезнейшем человеке, и он в самом деле таков»²⁸.

Из писем Воронцова к Вильсону отец узнавал не только о здоровье сына, но и о его взглядах на ход военной кампании 1812 г.

«Я с удовольствием отметил, что в вашем письме Вильсону вы считаете взятие неприятелем Москвы нормальным и, как настоящий рус-

ский, каким вы являетесь, думаете, что это самая лучшая из бед, которая могла с нами случиться»²⁹. Вильсон высоко ценил военные способности М.С. Воронцова, в одном из писем в Лондон он пишет, что если бы Воронцов принадлежал к числу главного начальства, то война с Бонапартом в нынешнем году была бы кончена³⁰.

В письме из Тарусы (от 5 октября 1812 г.) Вильсон сообщает М.С. Воронцову, что в Главную квартиру русской армии прибыл генерал-адъютант Наполеона Лористон, чтобы передать М.И. Кутузову письмо с предложением о перемирии. При этом Лористон «жаловался на варварство русских крестьян»³¹. Завершает свое послание Вильсон просьбой передать привет «всем друзьям» и уверением в «давней моей к вам преданности»³².

В другом письме из Тарусы (10 октября 1812 г.) Вильсон пишет, что «революционная война подходит к концу, который несет с собой прочные гарантии вознаграждения за прошлое и безопасности в будущем»³³.

В очередном письме Вильсона из Тарусы (21 октября) вновь, как и в предыдущих, содержится подробное описание хода боевых операций, состояние дел в Главной квартире русской армии. Не забывал Вильсон отправлять корреспонденцию и графу С.Р. Воронцову. Так, в письме от 26 декабря 1812 г. из Вильно он сообщает, что видел «графа Михаила в превосходном расположении духа.

Он почти не хромает и через несколько недель, уже не будет испытывать какого-либо неудобства от своей раны, каковая достойна скорее зависти, нежели сожаления»³⁴.

В одном из писем М.С. Воронцову (отправлено из Лондона 6 (18) декабря 1812 г.) С.Р. Воронцов в очередной раз просит передать свои приветствия кавалеру Вильсону. «Мой дорогой добрый друг, я выражаю вам свое невыразимое удовлетворение, узнав о том уходе, который оказали вам ваши раненные товарищи, и это весьма достойно вас с вашим ангельским характером, мой дорогой Мишель. Дай Бог вам счастья за то, что вы доставляете мне радость вашим поведением и характером»³⁵.

Сын получит это послание отца только 6 февраля 1813 г. Русская военная история зачастую более благосклонна к героям 1812 года, чем к тем, кто достойно проявил себя на полях сражений во время заграничных походов последующих лет. В кампанию 1813 г. летучий отряд Воронцова отличился в бою у Бромберга, занял Познань, осаждал Кюстрин и Магдебург, впоследствии отряд Михаил Семеновича участвовал в Лейпцигской битве, занял Кассель, осаждал Гамбург.

В 1813 г. Вильсон находился в рядах русской армии, он не только выполнял военно-дипломатические поручения союзного командования, но и участвовал в боевых операциях при Лютцене, Бауцене и Рейхенбахе.

За мужество и храбрость, проявленную при Лютцене 20 апреля, император Александр I перед фронтом императорской гвардии 27 мая 1813 г. наградил Вильсона крестом Св. Георгия 3-го класса.

4 июня Вильсон был произведен в генерал-майоры британской службы, 26 августа он участвует в сражении при Дрездене, причем 27 августа во время возобновления боевых операций он находится рядом с русским императором.

В Битве народов под Лейпцигом Р. Вильсон находился при штабе фельдмаршала К.Ф. Шварценберга, который впоследствии в одном из писем к лорду Эбердину, британскому послу в Вене, высказал мнение, что успехом 16 октября «Союзники обязаны главным образом разумной и основательной диспозиции генерала Вильсона»³⁶. Несмотря на хвалебные отзывы командующего союзными войсками, Вильсона переводят в Италию, где в 1814 г. разворачивался второстепенный театр военных действий.

В июне он покидает Италию и отправляется в Париж. Возвращение «короля Франции и Наварры» Людовика XVIII вызвало в Вильсоне чувство разочарования. Перед открытием военных действий в 1815 г., он не выразил желание присоединиться к армии Веллингтона.

В то время как союзники вторично оккупировали Францию, Вильсон участвует в заговоре, цель которого – освобождение маршала Нея. После расстрела маршала, заговорщики занялись планом освобождения министра почт графа де Лавалетта, одного из самых преданных Наполеону людей.

Королевская полиция арестовала троих английских военных во главе с генералом Вильсоном. Суд над заговорщиками стал одним из самых громких процессов своего времени.

Граф С.Р. Воронцов писал сыну 10 (22) января 1815 г., что история кавалера Вильсона – главная тема разговоров в обществе. «Я думаю, что никто, кроме него не способен с таким безумством вмешиваться во все, пытаюсь таким образом снискать к себе уважение...»³⁷ Воронцов считал, что Вильсон виноват перед своей супругой, которую он привез с собой в Париж: «Она слепа и осталась без всякого утешения». По мнению Семёна Романовича, если бы «Вильсон не допустил оплошность похвалиться в письме, отправленном по почте, что он совершил подвиг, спасая предателя, государственного преступника, никто бы не узнал каким способом

и с чьей помощью этот преступник избежал справедливого наказания, которое его ожидало»³⁸.

Для С.Р. Воронцова, считавшего французскую революцию трагедией Европы, сочувствие Вильсона якобинцам не могло вызывать одобрение. Что касается М.С. Воронцова, то в Российской национальной библиотеке хранится экземпляр сборника с опубликованными материалами судебного процесса над Вильсоном, в котором имеется экслибрис с надписью «Библиотека князя Воронцова. С. Петербургский дом». Вероятно, это издание было приобретено Воронцовым в период командования им русским оккупационным корпусом и свидетельствует о «приязни и участии русских друзей Вильсона»³⁹.

По приговору суда заговорщики получили по три месяца тюрьмы. На суд присяжных, как и на общественное мнение, несомненно, оказало влияние не только достойное поведение генерала Вильсона и его заслуги, но и сама история освобождения, окутанная ореолом рыцарского служения, защиты слабых и униженных.

Если для М.С. Воронцова поступок Вильсона, вероятно, не являлся страшным злодеянием, то С.Р. Воронцов считал, что генерал «везде любит копаться, во все вмешиваться и чтобы быть замеченным, хочет подобным поведением привлечь к себе внимание...». По мнению Воронцова, «моряк и военный никогда не должны вмешиваться в политику...»⁴⁰.

С.Р. Воронцов был уверен, что дело Лавалетта окончательно погубило Вильсона. «Он потерял без оснований, без всякого смысла»⁴¹. Несмотря на приказ главнокомандующего, герцога Йоркского, в котором выражалось неудовольствие принца-регента Англии поведением Вильсона, он остался на военной службе и 23 ноября 1841 г. получил чин генерала армии, а в 1842 г. Вильсон назначен губернатором и главнокомандующим в Гибралтаре. 9 мая 1849 г., после возвращения из Гибралтара, генерал Роберт-Томас Вильсон скончался и был погребен в Вестминстерском аббатстве рядом со своей женой Джемаймой Вильсон. В своем завещании Вильсон распорядился, чтобы полученные им награды были унаследованы его сыном Белфордом-Хинтоном Вильсоном, «поверенному в делах и генеральному советнику на службе Её Величества»⁴². При этом Вильсон только один орден выделяет особо – «российский командорский крест Святого Георгия, врученный мне Императором Александром на поле битвы перед строем гвардии»⁴³.

Не только декабристы, но и выдающиеся государственные деятели второй четверти XIX в. были «детьми 1812 года». Вильсон и Воронцов – участники последних рыцарских войн на полях Европы. Подобно

Михаилу Семеновичу, сэру Роберту-Томасу Вильсону была присуща «истинная страсть к военной службе», он проявлял чудеса храбрости на полях сражений и заслужил уважение целого ряда высших российских офицеров.

Следует отметить, что Воронцову более, чем его другу, свойственна британская сдержанность, в то время как Вильсон по своему характеру ближе к С.Р. Воронцову, который разочаровался в генерале как пособнике якобинцев после участия Вильсона в освобождении Лавалетта. Но в 1762 г. действия Семена Романовича, направленные на спасение императора, также казались многим безрассудными. Изучение деятельности М.С. Воронцова на посту командующего русским оккупационным корпусом во Франции (1815–1818), генерал-губернатора Новороссийского края и кавказского наместника позволяют говорить о том, что Воронцов разделял некоторые либеральные взгляды своего друга, но никогда бы не стал принимать участие в заговоре, направленном против действующей власти.

Если для Воронцова основу мировоззрения составляло служение Отечеству и Императору, при этом монархическая власть незыблема, то для Вильсона как гражданина страны, где все решает парламент и биржа, служение Отечеству отнюдь не предполагает молчаливого одобрения действия властей. Несмотря на это, главное, что объединяет Воронцова и Вильсона, это ключевое понятие их мироощущения – честь, нравственная ответственность перед предками за свои дела и поступки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Вильсон Р.Т.* Дневник и письма, 1812–1813. СПб., 1995. С. 8.

² Там же. С. 10.

³ Архив князя Воронцова. М., 1893. Кн. 39. С. 354. И.В. Сабанеев был вторым полномочным на переговорах о заключении Бухарестского мира.

⁴ Акты, подписанные в Тильзите между Францией и Россией // Наполеон и Александр I: От Тильзита до Эрфурта: В 3 т. СПб., 1910. Т. 1. С. 509.

⁵ Там же.

⁶ Там же С. 511.

⁷ Там же С. 512.

⁸ Дипломатические отношения России и Франции в эпоху Наполеона: В 5 т. Т. 4: 1807–1808 гг. СПб., 1893. С. 81.

⁹ *Волконский С.Г.* Записки. Иркутск, 1991. С. 126.

¹⁰ Там же.

-
- ¹¹ *Вильсон Р.Т.* Указ. соч. С. 14.
- ¹² Там же. С. 48.
- ¹³ Там же С. 49.
- ¹⁴ Там же С. 57.
- ¹⁵ Там же С. 260.
- ¹⁶ Письма Н.М. Лонгинова графу С.В. Воронцову // Рус. архив. 1912. № 4. С. 499.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 500.
- ¹⁹ Там же. С. 292.
- ²⁰ Там же. С. 57.
- ²¹ Письма Н.М. Лонгинова графу С.Р. Воронцову. С. 511.
- ²² *Вильсон Р.Т.* Указ. соч. С. 143.
- ²³ Там же С. 291.
- ²⁴ Там же С. 176.
- ²⁵ Письма Н.М. Лонгинова графу С.В. Воронцову. С. 504.
- ²⁶ Там же С. 511.
- ²⁷ *Вильсон Р.Т.* Указ. соч. С. 176, 294.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Архив князя Воронцова. М., 1880. Кн. 17. С. 254–255 (пер. с фр.).
- ³⁰ *Вильсон Р.Т.* Указ. соч. С. 231.
- ³¹ Там же. С. 161.
- ³² Там же. С. 163.
- ³³ Там же. С. 177.
- ³⁴ Там же. С. 242.
- ³⁵ Архив князя Воронцова. Кн. 17. С. 261–262.
- ³⁶ *Вильсон Р.Т.* Указ. соч. С. 21.
- ³⁷ Архив князя Воронцова. Кн. 17. С. 354–356.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ *Вильсон Р.Т.* Указ. соч. С. 25.
- ⁴⁰ Архив князя Воронцова. Кн. 17. С. 358.
- ⁴¹ Там же. С. 431–433.
- ⁴² *Вильсон Р.Т.* Указ. соч. С. 26.
- ⁴³ Там же.